

Н.С. Арсенов

**Жажда подлинного бытия:
пессимизм и мистика**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.С. Арсенов**
Жажда подлинного бытия: пессимизм и мистика / Н.С. Арсенов – М.: Книга
по Требованию, 2019. – 229 с.

ISBN 978-5-517-97588-1

ISBN 978-5-517-97588-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНІЕ.

Есть интересъ для историка не только въ мѣстныхъ, частныхъ, всецѣло связанныхъ съ опредѣленной культурой, опредѣленной эпохой, явленіяхъ исторіи человѣчества, есть интересъ и въ тѣхъ общихъ настроеніяхъ, въ томъ основномъ психологическомъ матеріалѣ, который часто является тождественнымъ или сходнымъ для самыхъ различныхъ культуръ, эпохъ и народовъ, который часто лежитъ въ глубинѣ, въ корнѣ явленій, различающихся на поверхности. Тѣ же данныя исторіи культуры могутъ такимъ образомъ разсматриваться въ двухъ плоскостяхъ, съ двухъ точекъ зрѣнія, при чемъ обѣ являются законными: именно какъ конкретные, вполне опредѣленные, факты, локально и индивидуально окрашенные, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ выразители, какъ носители нѣкоторыхъ основныхъ, проявляющихся въ безконечныхъ варіаціяхъ и, при всемъ различіи проявленій, въ корнѣ аналогичныхъ или тождественныхъ между собою, постоянно вновь и вновь возвращающихся, неумирающихъ факторовъ.

Воздерживаюсь отъ всякой метафизики, отъ всякаго заключенія о законмѣрности, о нормахъ, отъ

всякихъ выводовъ, дѣлаемыхъ съ запросовъ чело-
вѣческаго духа къ тому, что объективно е с т ь, что
существуетъ (или не существуетъ) внѣ этого духа —
скажу лишь, что здѣсь мы касаемся глубинъ духовной
жизни человѣка. Ибо имѣется такой основной пси-
хологическій фонъ на разстояніи вѣковъ и даже
тысячелѣтій жизни человѣчества, и есть такія глу-
бины психической жизни, съ ихъ постояннымъ при-
боемъ и отбоемъ, паденіемъ и подъемомъ пульса
жизни: это — общечеловѣческія проблемы, которыя
ставятся съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ
глубже задумываться надъ собой и надъ міромъ,
ставятся и понинѣ. Проблемы смысла, цѣны, проч-
ности существованія! Онѣ не старѣютъ, всегда со-
временны, всегда интересны. Когда онѣ ощущаются,
онѣ ощущаются остро — часто до боли. Онѣ явля-
ются какъ бы стихіями нашего бытія, нерѣдко не-
замѣтными, неслышными, но основными предпосыл-
ками всей дѣятельности, всего міросозерцанія, всей
жизни. А иногда онѣ прорываются неудержимо, съ
непреодолимой, разрушительной или живительной,
силой. Онѣ въ основѣ всегда тѣ же! Это — сознаніе,
ощущеніе преходящести бытія, преходящести своей
собственной жизни, своего «я» и всего того, что лю-
бишь, чувство затерянности въ пустынѣ безрадост-
наго, холоднаго, непонятнаго, а, можетъ быть, и
безсмысленнаго міра, ужасъ предъ этой преходя-
щестью, предъ этимъ безостановочнымъ убѣганіемъ
всего живого въ пропасть прошедшаго — безостано-
вочнымъ убѣганіемъ! — ужасъ передъ нависающей,
холодной смертью, одряхленіемъ и разрушеніемъ. А
съ другой стороны, это — стремленіе остановиться въ
этомъ процессѣ, осмыслить жизнь и міръ, найти точку

опоры среди безграничныхъ волнъ преходящаго
остановиться, отдохнуть и жить — жить полнотою
подлинной, не изсякающей, не ускользящей изъ
рукъ безвозвратно, а радостной, просвѣтленной, все-
побѣждающей Жизни; а если это невозможно, то
отказаться отъ жизни совсѣмъ . . .

Тѣ памятники человѣческой мысли или худо-
жественнаго творчества, а въ еще большей, можетъ
быть, степени тѣ безыскусственныя, я сказалъ бы —
стихійныя изліянія, отрывочныя, мгновенныя фикса-
ціи интимнѣйшей жизни духа, въ которыхъ отрази-
лись эти переживанія и эти проблемы, — эти памят-
ники вырастаютъ за рамки данной культуры или
даннаго народа, болѣе того — вырастаютъ за сферу
культурно-историческаго или же чисто-художествен-
наго къ нимъ интереса: они приобрѣтаютъ печать
всеобщечеловѣческаго въ самомъ высшемъ смыслѣ
этого слова, печать чего-то имѣющаго непосредствен-
ное значеніе для самыхъ основъ нашей духов-
ной жизни, чего-то близкаго и важнаго для каждо-
го изъ насъ, задѣвающаго насъ за живое, печать
универсализма.

Итакъ, прослѣдимъ въ бѣглыхъ чертахъ эти
исканія, эти боренія, эти выводы скорбной мудрости
изъ скорбнаго опыта жизни, эти возгласы разочаро-
ванія и мрачнаго безразличія или острые крики
отчаянія и муки, а съ другой стороны — и пережи-
ванія тѣхъ, которые утверждаютъ, что они при-
коснулись къ истинной, неизсякающей Реальности,
что они ощутили смыслъ и цѣль мірового процесса,
и которые, охваченные волнами радости, потрясен-
ные до глубинъ души, говорятъ намъ о всепревос-
ходящемъ, радостномъ подъемѣ, о торжествѣ, о без-

мѣрномъ, всепокоряющемъ богатствѣ и владычествѣ преизбыточествующей Жизни*).

*) Въ пессимизмѣ и мистикѣ мы имѣемъ какъ бы два полюса жизни человѣческаго духа — прямо противоположные и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣснѣйшимъ образомъ связанные другъ съ другомъ. Это не значитъ, конечно, чтобы всякій пессимизмъ всегда всѣхъ адептовъ своихъ приводилъ къ мистикѣ — часто этого вовсе не бываетъ. И съ другой стороны и мистика, когда она рождается, не всегда непременно рождается изъ остро осознаннаго пессимизма и томленія духа (хотя весьма и весьма часто эти переживанія являются какъ разъ подготовительной стадіей на мистическомъ пути). Однако слѣдуетъ признать, что вообще пессимистическія настроенія — наилучшая психологическая почва для рожденія и развитія мистическихъ исканій и чаяній. Оба теченія тѣсно, и логически, и психологически, связаны другъ съ другомъ, повторяю, они — два полюса въ жизни духа; въ двухъ крайнихъ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ обрабатываютъ и освѣщаютъ они данныя жизненнаго опыта; они борются часто другъ съ другомъ въ предѣлахъ одной и той же души, и нерѣдко гнетущее пессимистическое міроощущеніе, съ которымъ душа не хочетъ окончательно примириться, является, какъ мы говорили, лишь подготовкой, лишь предпосылкой къ переживанію этой душою того, что воспринимается ею какъ б о л ѣ е р е а л ь н а я , какъ п о д л и н н а я , радостная и преизбыточествующая дѣйствительность. Такимъ образомъ изученіе этихъ явленій тѣсно связано между собою: изслѣдованіе одного проливаетъ свѣтъ и на пониманіе другого.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ТОМЛЕНИЕ ДУХА.

I.

Уже древніе Египтяне со всей остротой ощущали *Древній Египетъ* горечь преходящести и бесплодность жизни. На каменныхъ плитахъ древней царской гробницы Верхняго Египта вырѣзаны слѣдующія слова подъ заглавіемъ: «Пѣсня изъ дома (т. е. гробницы) блаженнаго царя Иньетефа»:

«Боги, (т. е. цари), что были прежде», такъ гласить эта пѣснь: «покоются въ своихъ пирамидахъ, также и знатные и мудрые погребены въ своихъ пирамидахъ.

Тѣ, что строили себѣ дома, ихъ мѣста уже нѣтъ, ты видишь, что изъ нихъ случилось . . .

Ихъ стѣны распались, ихъ мѣста уже нѣтъ, кажется, какъ будто ихъ никогда и не бывало.

Никто оттуда не придетъ, чтобы сказать намъ, что изъ нихъ случилось,

чтобы сказать намъ, каково ихъ положеніе; чтобы укрѣпить наше сердце, покуда и вы не приблизитесь къ мѣсту, куда они прежде пошли.

Ты же будь радостенъ, чтобы заставить сердце . . . забыть,

и слѣдуй влеченію твоего сердца, покуда ты живешь,
покуда не наступитъ для тебя этотъ день плача . . .
Итакъ, весело празднуй свой день, и не предавайся
въ немъ покою,
ибо никто не беретъ съ собою своего добра,
да, никто ужъ не вернется, кто отошелъ отсюда».

Въ болѣе поздней редакціи эта пѣснь была про-
пѣта на поминкахъ жреца Неферхотепа и начертана
на его гробницѣ:

«Тѣла проходятъ неудержимо со временъ Ра, и новыя
образованія вступаютъ на ихъ мѣсто.
Солнце показывается каждое утро,
а на западѣ заходитъ вечернее солнце.
Мужчины производятъ сѣмя, женщины зачинаютъ,
ноздри всѣхъ живущихъ вдыхаютъ утреннія дуно-
венія.

Но тѣ, что были рождены,
всѣ они отправляются къ мѣсту, которое имъ на-
значено.

Поэтому радостно справляй свой день, о жрецъ!
Приготовь мази и благовонія для своего обонянія,
вѣнки изъ лотосовъ для своихъ членовъ . . .
Я слыхалъ обо всемъ, что совершено предками,
но теперь стѣны ихъ распадаются,
ихъ мѣста уже болѣе нѣтъ,
подумаешь, будто ихъ никогда и не бывало.»¹⁾

Вавилонъ Древніе Вавилоняне безрадостной и мрачной пред-
ставляли себѣ судьбу человѣка за гробомъ²⁾. Поэтому
такъ полны тяжелой тоски ихъ плачи по умершимъ.
«Молча ухожу я, герой», говоритъ про себя покой-
никъ, «по пути, по которому нѣтъ возврата» . . .

«Увы!» такъ начинается затѣмъ сѣтованье по немъ:
 «Онъ ушелъ, ушелъ — въ нѣдра преисподней.
 «Солнце заходитъ для него — къ странѣ мертвыхъ.
 «Онъ полонъ сѣтованья — въ тотъ день, что онъ палъ въ
 скорби, въ мѣсяцъ, что не приноситъ радости его году.
 «По пути (онъ пошелъ), — что конецъ готовитъ чело-
 вѣку... герой, къ далекой преисподней — къ не-
 видимой!»³⁾

Герой древне-вавилонской поэмы могучій власти-
 тель Эреха богатырь Гилгамешъ охваченъ ужасомъ
 смерти. На его глазахъ умеръ его другъ, непобѣди-
 мый воитель Эабани, и съ тѣхъ поръ онъ не знаетъ
 покоя. «Вѣдь и мнѣ придется, подобно ему, лечь ко
 сну, и не возстать уже во вѣки? . . Вѣдь и я умру,
 какъ Эабани? Скорбь проникла во внутренности мои.
 Я исполнился ужаса передъ смертью, и рыскаю по
 пустынѣ». ⁴⁾ Но напрасно онъ ищетъ избавленія отъ
 смерти, напрасно пускается въ далекое странствіе,
 обращается за совѣтомъ и помощью къ древнему
 мудрецу Утнапистиму, живущему на краю міра за
 предѣлами водной пучины, обращается къ помощи
 боговъ. Солнечный богъ Шамашъ говоритъ ему:

«Что ты рыскаешь кругомъ, Гильгамешъ? —
 Жизни, которую ты ищешь, ты все равно не найдешь».

«Жизни, которую ты ищешь, тебѣ все равно не уви-
 дать»,
 говоритъ ему и вѣщая вавилонская богиня Сидурри,
 ибо:

«Когда боги сотворили людей,
 людямъ они назначили смерть,
 а жизнь сохранили въ своихъ рукахъ.»⁵⁾

Вѣщій Утнапистимъ не смогъ доставить безсмертіе Гилгамешу. Гилгамешъ долженъ пуститься въ обратный путь: но онъ охваченъ скорбью и ужасомъ: «Что долженъ я дѣлать, Утнапистимъ, куда итти? . . . Въ опочивальнѣ моей сидитъ смерть». ⁶⁾

Онъ возвращается назадъ, на свою далекую родину, не найдя жизни, которую искалъ. Съ большими трудностями удается ему, въ концѣ концовъ, вызвать изъ преисподней тѣнь своего друга Эбани: можетъ быть, Эбани скажетъ ему что-нибудь утѣшительное о томъ, что ожидаетъ за гробомъ: «Скажи мнѣ, мой другъ, скажи мнѣ, мой другъ, законъ Земли, преисподней, который ты видѣлъ, скажи!» Тѣнь Эбани отвѣчаетъ: «. . . Если я тебѣ скажу законъ Земли, который я видѣлъ . . . то садись и плачь!» — «Я сяду и буду плакать . . .»

На разговорѣ Гилгамеша съ тѣнью друга, подобной «дуновенью вѣтра», обрывается эпосъ. ⁷⁾

Нѣтъ избавленія отъ смерти! Это звучитъ и въ такъ называемой вавилонской «молитвѣ праведника»:

«Кто ночью жилъ — сегодня мертвъ,
нежданно погрузился онъ во мракъ, внезапно былъ
сокрушенъ» . . . ⁸⁾

Впрочемъ, въ вавилонской литературѣ мотивъ тяжелаго раздумья передъ горестной загадкой жизни и смерти въ общемъ ступшевывается предъ преобладаніемъ практическихъ интересовъ минуты — передъ вопросами земного благополучія, здоровья, успѣха.

II.

Съ несравненно бѣльшей глубиной, съ порази-^{Древняя} тельной яркостью и неотступностью, переживалась ^{Индія} эта проблема нашего существованія, этотъ ужасъ преходящести и конечнаго исчезновенія — въ дре-ней Индіи, возвращаясь все снова и снова, захватывая, какъ мы видимъ изъ памятниковъ, самые широкіе круги народа.⁹⁾

Въ Махабхаратѣ передается слѣдующій разговоръ между нѣкимъ браминомъ и мудрымъ сыномъ его Медхавиномъ, разговоръ, происходившій въ давнія времена.

Сынъ спрашиваетъ отца:

«Какъ долженъ поступать мудрый и разумный чело-вѣкъ? Ибо вѣдь быстро исчезаетъ жизнь чело-вѣка. Скажи мнѣ отецъ . . . чтобы я могъ исполнить свой долгъ».

Отецъ указываетъ ему на обычный путь ведической мудрости и ведическаго благочестія: сначала изученіе Ведъ, затѣмъ активная жизнь въ міру, рожденіе дѣтей, приношеніе жертвъ, подъ конецъ — аскетическая жизнь въ лѣсномъ отшельничествѣ.

«Сынъ сказалъ:

«Разъ весь міръ подверженъ такой бѣдѣ и огра-ниченъ непреодолимымъ продѣломъ, и разъ безоста-новочно убѣгаютъ тѣ, коихъ называютъ «Не напрас-ными», — что же ты тутъ говоришь мнѣ слова мнимой мудрости?»

«Отецъ сказалъ:

«Какимъ образомъ міръ подверженъ бѣдѣ, и какимъ это предѣломъ онъ ограниченъ, и кто здѣсь эти «Не-напрасныя», что убѣгаютъ? Чѣмъ ты хочешь меня напугать?»

«Сынъ сказалъ:

«Смерти подверженъ мѣръ. Одряхленіемъ положенъ ему предѣлъ, а тѣ, что убѣгають, это — Дни и Ночи; не такъ ли? Почему ты не понимаешь меня?

«Вѣдь это же — Ночи, что безостановочно приходятъ и уходятъ, какъ «Не-напрасныя», какъ тѣ, что заставляютъ насъ старѣть! Разъ я это знаю — именно, что Смерть не вѣдаетъ ни отдыха, ни остановки, то много ли мнѣ толку оттого, что я уйду т у д а, облеченный ведической премудростью?»¹⁰⁾

«Если это правда, что жизнь непрерывно сокращается — по мѣрѣ того, какъ одна ночь убѣгаетъ за другой, то мудрый, пожалуй, найдетъ и про день свой, что и онъ бесплоденъ.

«Кто поэтому можетъ найти себѣ радость, разъ онъ подобенъ рыбѣ въ мелкой водѣ? прежде еще, чѣмъ онъ увидитъ исполненными свои желанія, Смерть настигаетъ человѣка» . . .¹¹⁾

Предъ лицомъ этой смерти восклицаетъ и герой древней Катхака-Упанишады, спустившійся въ ея сумрачное царство: «О Смерть! мысль о завтрашнемъ днѣ, вотъ — что убиваетъ у смертнаго существа его жизненную силу. Даже прожитая до конца, жизнь стоитъ весьма мало . . . Человѣкъ не можетъ найти удовлетворенія въ богатствѣ. Ибо будемъ ли мы наслаждаться богатствомъ послѣ того, какъ увидимъ тебя? . . . Поэтому кто могъ бы, привязываясь мыслью къ краскамъ, къ наслажденіямъ и радостямъ, найти утѣхи даже въ весьма длинной жизни . . . когда онъ сознаетъ себя старѣющимъ и обреченнымъ на смерть?»¹²⁾

Въ сборникѣ буддійскихъ изреченій Dhammapadam читаемъ: